

ЕНРАС

Бюллетень

Репарации: чему Европейский Суд должен научиться у Межамериканского?

Д-р Клара Сандовал, старший преподаватель школы права (Эссекский университет)

Десятилетиями Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) устанавливал стандарты в области обращения с нарушениями прав человека, которым следовали другие суды. Разумеется, это старейший региональный суд по правам человека, который внес огромный вклад в защиту и развитие международных норм прав человека. Однако за последние два десяти-

летия в региональных судебных системах прав человека произошли важные изменения. Межамериканский Суд по правам человека (МАСПЧ) представляет собой прекрасный пример того, чего способен достичь относительно молодой суд, и каким образом подобный орган может содействовать развитию международного права в сфере прав человека. В первую очередь это касается подхода МАСПЧ к вопросу о репарациях, в связи с которым ЕСПЧ стал-

живается со сложными правовыми и практическими проблемами. В этой статье кратко излагаются некоторые принципы, выработанные МАСПЧ, которые могли бы оказаться полезными для ЕСПЧ.

1. Интерпретация принципов, регулирующих присуждение репараций

На основании ст. 63.1 Американской Конвенции по правам человека (АКПЧ) и интерпретации важных

продолжение на с. 2

От редактора

В этом номере Бюллетеня ЕНРАС д-р Клара Сандовал (Эссекский университет) рассматривает уникальный подход к возмещению ущерба, выработанный Межамериканским Судом по правам человека, и задается вопросом о том, какие уроки из этой практики мог бы извлечь Европейский Суд. Три статьи посвящены Грузии: Софио Джапаридзе (ИНТЕРАЙТС) рассматривает проблему защиты сексуальных меньшинств в стране от дискриминации и преступлений на почве ненависти; Натиа Кацитадзе из Ассоциации молодых юристов Грузии (GYLA) анализирует степень исполнения решения Европейского Суда по делу Киладзе; а Мариам Убери оценивает соответствие процедуры установления опеки

над недееспособными лицами требованиям Европейской Конвенции о правах человека.

Также в этом номере Ольга Цейтлина (ЕНРАС – ОПЦ «Мемориал») рассматривает последние решения по ст. 3, связанные с вопросами выдачи в страны СНГ, Сирануш Саакян («Защита прав без границ») обсуждает прецедентное решение по вопросу отказа от военной службы по убеждениям (Баятян против Армении). Кроме того, мы публикуем материал об одном из наших дел, связанных с нагорно-карабахским конфликтом, которое было недавно признано приемлемым Большой Палатой Европейского Суда (Саргсян против Азербайджана).

Проф. Филип Лич
директор ЕНРАС

Содержание

Репарации: Чему Европейский Суд должен научиться у Межамериканского?	1
От редактора	1
Дело Киладзе: соответствует ли практика грузинских судов требованиям эффективного исполнения решения?	3
Экстрадиция в страны СНГ: последние решения по ст. 3 Конвенции	5
Баятян против Армении (Bayatyan v Armenia)	7
Процедура установления опеки в Грузии и Европейский Суд по правам человека	8
Защищены ли представители LGBT-сообщества в Грузии от дискриминации и преступлений на почве ненависти?	10
Судебные дела по правам человека	12
Саргсян против Азербайджана	17
О проекте	20

принципов процессуального и материального права МАСПЧ присуждает наиболее прогрессивные репарации за нарушения прав человека в мире. МАСПЧ очень серьезно относится к установлению правовых норм, применимых к присуждению репараций, и к обоснованию каждой такой репарации, которую его просят рассмотреть. МАСПЧ вполне осознает, что решения по существу останутся бессмысленными, если они не будут отражены в адекватных репарациях за понесенный вред.

МАСПЧ следует принципам международного права в области репараций, обеспечивая их адекватность и стремясь добиться *restitutio in integrum*, однако адаптирует их к нарушениям прав человека. Этот подход разительно отличается от подхода ЕСПЧ, который обычно не дает надлежащего обоснования своего подхода к репарациям и не следует нормам международного права применительно к репарациям.

2. Принципы материального права

МАСПЧ выработал различные принципы материального права, три из которых мы приводим здесь:

2.1 Принцип должного признания статуса жертвы

МАСПЧ серьезно разработал интерпретацию термина «потерпевшая сторона» в соответствии со ст. 63.1 АКПЧ, которая включает в себя не только непосредственных жертв нарушений прав человека, но и косвенных, например ближайших родственников (в широком понимании родства, учитывающем культурные особенности), семейной ячейки, иждивенцев и общины, в зависимости от обстоятельств дела¹.

2.2 Принцип наиболее благоприятных условий

МАСПЧ применяет этот принцип для исправления ситуаций, пред-

ставляющих собой нарушение ключевых принципов прав человека, таких как равенство и отсутствие дискриминации или право на достойную жизнь. Например, МАСПЧ применил минимальную заработную плату соответствующего государства к делам, где зарплата жертвы была ниже стоимости².

2.3 Принцип трансформативных репараций

В «деле хлопкового поля» (*Cotton Field v Mexico*) МАСПЧ выдвинул важную переформулировку используемого им понятия адекватных репараций, подчеркнув, что, когда нарушения происходят в контексте структурной дискриминации, репарации не должны просто возвращать жертв в ситуацию, в которой они находились до нарушения (т.е. ситуацию дискриминации), а призваны трансформировать или изменять ранее существовавшую ситуацию³.

3. Процессуальные принципы

Адекватные репарации требуют выработки важных процессуальных принципов, чтобы Суд мог собрать всю релевантную информацию и доказательства о причиненном вреде и правильно их оценить. Здесь представлены только два из этих принципов:

3.1 Принцип гибкости по отношению к стандарту и бремени доказывания в вопросе о репарациях

МАСПЧ опирается на презумпции и косвенные доказательства, «если они приводят к согласованным выводам относительно фактов дела»⁴. Так, например, в отношении компенсации материального ущерба МАСПЧ с готовностью предполагает, что взрослые, получающие доход и имеющие

семью, тратят большую часть этого дохода на нужды своей семьи, или презюмирует, что ближайшие родственники умершего понесут расходы на похороны. Что касается стандарта доказывания, то, например, лицо, заявляющее об ущербе, должно удостоверить свою личность посредством свидетельства о рождении и/или нотариального заверения. Однако МАСПЧ готов снизить этот стандарт в тех случаях, когда данное лицо не может представить требуемой документации, поскольку государство не предоставило необходимых средств установления личности. В таких ситуациях МАСПЧ позволяет подтверждать статус другими средствами, установленными Судом⁵.

3.2 Принцип присуждения компенсации по собственному почину

Хотя согласно общему правилу МАСПЧ присуждает репарации с учетом требований, выдвинутых жертвами/юридическими представителями и Комиссией, а также государства, в исключительных случаях Суд может присудить репарации, которых не требовала ни одна из сторон, с целью обеспечить адекватность возмещения⁶.

3.3 Принцип эффективного участия жертвы

Сочетание слушаний с присутствием в МАСПЧ некоторых жертв, свидетелей и экспертов имеет большое значение для более эффективного рассмотрения вопроса об ущербе на стадии присуждения репараций. Например, в деле *Резня в План-де-Санчес против Гватемалы* (*Massacre of Plan de Sánchez v Guatemala*), в котором в 1982 г. было убито более 268 представителей коренной народности майя, два эксперта, выступивших в МАСПЧ

сыграли ключевую роль в осознании коллективного ущерба, понесенного коренной народностью⁷.

Выводы

МАСПЧ выработал целый ряд разнообразных принципов, начиная с принципов международного права и заканчивая собственными принципами процессуального и материального права, которыми он руководствуется при рассмотрении вопроса репараций. В этой статье просто приводятся некоторые принципы, которые могли бы быть полезны для ЕСПЧ, однако их описание и применение не являются исчерпывающими. ЕСПЧ следу-

ет изучить эти и другие принципы и рассмотреть способы укрепления своего собственного подхода к репарациям. Эти принципы могут быть адаптированы к конкретным особенностям европейского судопроизводства. Это первый урок, который ЕСПЧ следует усвоить от МАСПЧ: без надлежащего определения и применения таких принципов, как материальных, так и процессуальных, достичь адекватной репарации за ущерб невозможно.

1 Sandoval, C., 2010. The Concepts of Injured Party and Victim of Gross Human Rights Violations in the Jurisprudence of the Inter-American Court of Human Rights: A Commentary on their Implications for Reparations. In C. Ferstman et al eds. *Reparations for Victims of Genocide, War*

Crimes and Crimes against Humanity: Systems in Place and systems in the Making. The Netherlands: Martinus Nijhoff Publishers. p. 243-282.

2 МАСПЧ, *Ампаро против Венесуэлы (Amparo v Venezuela)*, репарации, 14.09.96, п. 28 и *Street Children v Guatemala*, репарации, 26.05.01, п. 79.

3 МАСПЧ, *Cotton Field v Mexico* («дело хлопкового поля»), выше, решение о приемлемости, по существу и вопросу о репарациях, 16.11.09, п. 450.

4 МАСПЧ, *Гангарам Пандай против Суринама (Gangaram Panday v Suriname)*, решение по существу, 21.01.94, п. 49.

5 МАСПЧ, *Резня в План-де-Санчес против Гватемалы (Massacre of Plan de Sánchez v Guatemala)*, репарации, 19.11.04, пп. 62 и 67.

6 МАСПЧ, *Рочела против Колумбии (Rochela v Colombia)*, решение по существу, по вопросу репараций и издержек, 11.05.07, пп. 286-303.

7 Аугусто Виллемсен-Диас, эксперт по правам коренных народов, и Ньевес Гомес, психолог, выступили в Суде. Резня в План-де-Санчес, см. выше прим. 5, п. 38, 84 и 106.

Дело Киладзе: соответствует ли практика грузинских судов требованиям эффективного исполнения решения?

Натия Кацитадзе, юрист Ассоциации молодых юристов Грузии (GYLA)

Вынесенное ЕСПЧ в 2010 г. решение по делу Клауса и Юрия Киладзе против Грузии (*Kiladze v Georgia*) (№ 7975/06) 02.02.10 открыло перед около 20 тыс. жертв репрессий советского периода в Грузии возможность воспользоваться правом на денежную компенсацию, гарантированным в национальном законодательстве, которое, однако, более десяти лет оставалось неосуществимым.

С целью надлежащего исполнения решения ЕСПЧ по этому делу парламент Грузии принял поправки в закон от 11 декабря 1997 г. о признании статуса жертв и мерах социального обеспечения для лиц, пострадавших от репрессий и в Административно-процессуальный кодекс Грузии. Эти поправки позволяют жертвам политических репрессий, как предусмотрено в

ст. 9 Закона от 11 декабря 1997 г., или, в случае их смерти, их наследникам, обратиться за денежной компенсацией через Тбилисский городской суд¹. Тбилисский городской суд определяет сумму компенсации исходя из фактических обстоятельств каждого дела и с учетом тяжести различных форм репрессий, а также возраста и состояния здоровья репрессированного (или его наследника) в числе других объективных факторов². Во время обсуждения в парламентском комитете по правовым вопросам законодателя утверждали, что судебные органы лучше всех смогут оценить индивидуальные обстоятельства каждого дела и соответственно установить размер денежной компенсации. В результате поправки вступили в силу в мае 2011 г.

За пять месяцев после вступления поправок в силу в Тбилисский городской суд поступило более

трех тысяч обращений за денежной компенсацией. Минимальный размер компенсации, присуждаемой по каждому делу, меньше 100 грузинских лари (46 евро), а максимальный – 400 лари (186 евро), который предоставляется только первому поколению наследников жертв репрессий, приговоренных к расстрелу и казненным. Практика национальных судов вызвала массу недовольства среди тех, кто получил минимальный размер компенсации.

В этой связи важно вновь повторить выводы решения по делу Киладзе о том, что договаривающиеся стороны не несут конкретных обязательств по исправлению несправедливости или ущерба, причиненных их предшественниками³. В решении по делу *Волькенберг и другие против Польши (Wolkenberg & Others v Poland)* (№ 50003/99) 04.12.07, последовавшем за пилотным решением по

делу *Бронёвски против Польши* (*Broniowski v Poland*) (№ 31443/96) 22.06.04, ЕСПЧ повторил, что при принятии законов в ситуации смены политического и экономического режима государство пользуется широкой свободой усмотрения, и в подобном контексте могут даже возникнуть ситуации, когда отсутствие какой-либо компенсации будет сочтено совместимым с требованиями ст. 1 Протокола 1⁴. В деле Бронёвского Большая Палата не только усмотрела нарушение ст. 1 Протокола 1, но и постановила, что Польша обязана обеспечить забужским заявителям, вынужденным покинуть свое имущество в 1944–1953 гг., надлежащую компенсацию. В ответ польское правительство приняло национальный закон, устанавливающий размер компенсации на уровне 20% от стоимости имущества. Несмотря на жалобы заявителей в связи с низким размером компенсаций, ЕСПЧ был удовлетворен схемой компенсации, введенной национальным законодательством, и постановил, что этот закон эффективно обеспечивает «реализацию права на имущество в отношении остальных забужских заявителей»⁵.

Даже с учетом устоявшейся практики ЕСПЧ в настоящем деле, тем не менее, возникают сомнения в том, что практика национального суда соответствует назначению нового закона, а также в том, что Комитет министров и ЕСПЧ будут удовлетворены реализацией закона, принятого во исполнение решения по делу Киладзе.

Хотя определение размера денежной компенсации, присуждаемой жертвам советских репрессий оставляется на усмотрение государства, а в этом конкретном случае – национальных судов (как предусмотрено национальным законодательством), можно утверждать, что

минимальный уровень компенсации, установленный Тбилисским городским судом, не согласуется с намерениями или процессуальными требованиями национального законодательства.

Анализ решений Тбилисского городского суда обнаруживает, что, вопреки требованиям соответствующего закона, большая часть решений судов содержит стандартный текст, в котором цитируются положения соответствующих законов и параграфов решения по делу Киладзе, а индивидуальным обстоятельствам истца уделяется лишь две-три строчки. В большинстве решений вообще не упоминается о проблемах со здоровьем или других индивидуальных обстоятельствах заявителей. Вместо этого в них содержится стандартное заявление о том, что заявители и/или его наследник(и) являются жертвами советских репрессий.

По сути содержание каждого вынесенного Тбилисским городским судом решения следует стандартному шаблону. Например, очевидно, что без какого-либо изучения индивидуальных обстоятельств Тбилисский городской суд предоставляет одинаковую компенсацию в 400 лари (186 евро) наследникам в первом поколении тех репрессированных, которые были расстреляны. Подход суда прямо противоречит намерениям поправок, принятых в мае 2011 г., согласно которым каждое дело подлежит индивидуальному рассмотрению.

Согласно любым объективным стандартам установленные судом размеры компенсаций минимальны и совершенно не соразмерны нарушениям прав, от которых пострадали жертвы. Кроме того, стандартизация присуждаемых сумм подрывает намерение законодателя – признать понесенный ущерб и предоставить такой раз-

мер репарации, который учитывал бы индивидуальные обстоятельства жертв и их наследников.

Если бы законодательство было принято с намерением предоставить предустановленные и стандартные размеры компенсации каждому заявителю, потребовалась бы подача заявлений не в суд, а в один из исполнительных органов, которому было бы поручено выплачивать компенсацию. Это бы предотвратило перегрузку суда и задержки в выплате компенсации.

В настоящее время применяемый национальными судами подход приводит к тому, что жертвы репрессий и наследники в первом поколении утрачивают желание реализовать свои законные права. Большинство таких людей – пожилые, и им часто трудно собрать все документы, необходимые для судебного разбирательства; часто у них даже нет средств заплатить за получение необходимых документов. Это усугубляется смехотворными суммами компенсации, назначаемыми судами, которые в практическом плане обесмысливают право на компенсацию.

В свете позиции, занятой ЕСПЧ в делах о забужской собственности после пилотного решения по делу Бронёвского, и практики грузинских судов в настоящем деле решать, является ли эта практика эффективным исполнением решения по делу Киладзе, предстоит Комитету министров и ЕСПЧ.

1 П. 2, ст. 9 Закона от 11 декабря 1997 г. и п. 2 ст. 21²⁶ Административно-процессуального кодекса Грузии.

2 П. 4, ст. 9 Закона от 11 декабря 1997 г. и п. 2 ст. 21²⁹ Административно-процессуального кодекса Грузии.

3 *Киладзе против Грузии* (*Kiladze v Georgia*) (№ 7975/06) 02.02.10, п. 53.

4 *Волькенберг и другие против Польши* (*Wolkenberg & Others v Poland*) (№ 50003/99) dec 04.12.07, п. 60.

5 Там же, п. 74.

Экстрадиция в страны СНГ: последние решения по ст. 3 Конвенции

Ольга Цейтлина, адвокат, EHRAC – ПЦ «Мемориал»

Позиция Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) по вопросу экстрадиции заявителей зависит от ряда факторов: от общей ситуации с правами человека в стране назначения, доступности и открытости страны для международных наблюдателей и существующих в ней условий содержания под стражей, но главным образом от индивидуальных обстоятельств заявителя, в том числе его принадлежности к преследуемой группе, характера обвинений против него, обстоятельств, в которых он покинул страну, формулировки предъявленных обвинений. Все эти факторы были приняты ЕСПЧ во внимание при вынесении решений по следующим делам, связанным с выдачей заявителей в страны бывшего СССР.

Туркменистан – отсутствие объективной информации об условиях тюремного заключения, недоступность, уязвимость

В деле *Колесник против России* (*Kolesnik v Russia*) (№ 26876/08) 17.6.10 ЕСПЧ подтвердил свои выводы, сделанные ранее в деле *Рябикин против России* (*Ryabikin v Russia*) (№ 8320/04) 19.6.08 и *Солдатенко против Украины* (*Soldatenko v Ukraine*) (№ 2440/07) 23.10.08, в которых выдача заявителей в Туркменистан была признана нарушением ст. 3 на основании «очень плохих условий содержания под стражей; дискриминации в отношении лиц нетуркменского этнического происхождения, которая делает их особенно уязвимыми перед злоупотреблениями; [...] а также] систематического отка-

за властей Туркменистана разрешить проведение мониторинга мест содержания под стражей наблюдателями международных или неправительственных организаций» (п. 68). ЕСПЧ также отметил, что последние доклады наблюдателей не продемонстрировали улучшения ситуации в Туркменистане — в частности, «международным наблюдателям, в том числе МККК, по-прежнему отказывается в доступе в места содержания под стражей» (п. 69).

Таджикистан – ратификация основных документов не исключает жестокого обращения, уязвимые группы: «Хизб ут-Тахрир», этнические узбеки.

Заявитель по делу *Ходжаев против России* (*Khodzhayev v Russia*) (№ 52466/08) 12.5.10 обвинялся в принадлежности к запрещенной группе «Хизб ут-Тахрир». ЕСПЧ нашел достаточно оснований для вывода о преследованиях в отношении членов и сторонников «Хизб ут-Тахрир» и постановил, что экстрадиция заявителя нарушит ст. 3 Конвенции.

В деле *Гафоров против России* (*Gaforov v Russia*) (№ 25404/09) 21.10.10, ЕСПЧ дополнительно отметил наличие в Таджикистане дискриминации по национальному признаку. Однако это дело также было разрешено на основании принадлежности заявителя к группе «Хизб ут-Тахрир». Заявитель также утверждал, что в прошлом подвергался пыткам; ему удалось бежать из-под стражи, и тогда его родственникам начали угрожать сотрудники правоохранительных органов. ЕСПЧ учел эти обстоятельства и вынес решение против экстрадиции.

В деле *Хайдаров против России* (*Khaydarov v Russia*) (№ 21055/09) 20.5.10, заявитель (обвинявшийся в бандитизме и утверждавший, что эти обвинения были политически мотивированы) опять-таки был этническим узбеком, и ЕСПЧ указал на этническую дискриминацию, как было сказано выше. ЕСПЧ отклонил довод российского правительства о том, что ратификация Таджикистаном основных документов в области прав человека исключает риск жестокого обращения, указав на сообщения из надежных источников о действиях, противоречащих принципам Конвенции, к которым прибегают и которые допускают власти этой страны (п. 105).

Казахстан – содержание под стражей не может считаться нарушением ст. 3 Конвенции в связи с улучшением условий содержания

Ранее, в деле *Кабулов против Украины* (*Kaboulov v Ukraine*) (№ 41015/04) 19.11.09, ЕСПЧ сослался на достоверные сообщения о пытках и жестоком обращении с лицами, содержащимися под стражей, бесчеловечных условий содержания в тюрьмах и нерасследовании жалоб на пытки, установив, что сам факт содержания под стражей в Казахстане достаточен для того, чтобы опасаться обращения, противоречащего ст. 3. К аналогичному выводу Суд пришел в деле *Байсаков и другие против Украины* (*Baysakov & Others v Ukraine*) (№ 54131/08) 18.02.10. Однако в более новом деле *Джаксыбергенов против Украины* (*Dzhaksybergenov v Ukraine*) (№ 12343/10) 10.02.2011, ЕСПЧ не установил нарушения ст. 3. Среди названных причин были

некоторые улучшения в ситуации с правами человека, в частности в отношении условий содержания под стражей. Поэтому Суд пересмотрел свои предшествующие выводы относительно экстрадиции в Казахстан, заявив об отсутствии указаний на то, что ситуация с правами человека настолько плоха, что необходим полный запрет на выдачу в эту страну.

Узбекистан — систематическая практика пыток, о которой сообщают международные наблюдатели, недостаточна для предотвращения экстрадиции за уголовные преступления

В 2008 г. ЕСПЧ отметил, что «жестокое обращение с лицами, содержащимися под стражей, является в Узбекистане распространенной и устойчивой проблемой»¹, а в 2010 г. – что «в течение нескольких лет не было представлено никаких конкретных доказательств, демонстрирующих какое-либо фундаментальное улучшение в этой сфере в этой стране. С учетом этих обстоятельств Суд полагает, что жестокое обращение под стражей является в Узбекистане распространенной и устойчивой проблемой»². Однако в деле *Эльмуратов против России* (*Elmuratov v Russia*) (№ 66317/09) 03.03.11, ЕСПЧ указал, что, в отличие от предыдущих дел об экстрадиции в Узбекистан, заявители в которых принадлежали к особо уязвимым группам, систематически подвергающимся жестокому обращению, заявитель в этом деле обвинялся исключительно в сугубо уголовных имущественных преступлениях и к уязвимой группе не принадлежал, в связи с чем его выдача не будет нарушением ст. 3.

Однако в последних решениях относительно тех же самых вопросов ЕСПЧ установил, что конкретных доказательств какого-либо реального улучшения в связи

с опасностью жестокого обращения в стране не имеется.

В деле *Якубов против России* (*Yakubov v Russia*) (№ 7265/10) 08.11.2011, ЕСПЧ постановил, что требование к заявителю представить неопровержимые доказательства риска жестокого обращения в данной стране означало бы потребовать от него предсказать будущее, что возложило бы на заявителя несоразмерное бремя. ЕСПЧ повторил свою позицию, согласно которой в этих делах необходимо учитывать вероятные последствия выдачи в конкретную страну³. В результате ЕСПЧ установил нарушения ст. 3 в деле *Якубов против России* – и, кроме того, еще в одном деле, *Эргашев против России* (*Ergashev v Russia*) (№ 12106/09) 20.12.2011 – поскольку заявители объективно продемонстрировали свою принадлежность к преследуемым в Узбекистане группам (властями Узбекистана им приписывалась принадлежность к группе «Хизб ут-Тахрир»).

Беларусь – индивидуальные обстоятельства, уязвимость определенных групп, в том числе политической оппозиции

Практика ЕСПЧ в отношении экстрадиции в Беларусь также неоднозначна. Например, в деле *Камышев против Украины* (*Kamyshov v Ukraine*) (№ 3990/06) 20.5.10, ЕСПЧ не установил нарушения ст. 3, указав, что, несмотря на то, что международные документы демонстрируют серьезные опасения относительно ситуации с правами человека в Беларуси, общие проблемы с соблюдением прав человека не могут сами по себе служить основанием для отказа в выдаче, и добавив, что «нет никаких признаков того, что ситуация с правами человека в Беларуси является настолько серьезной, чтобы дать основания для полного запрета на экстрадицию в эту

страну». ЕСПЧ счел, что заявитель не принадлежит к политической оппозиции или иной признанной уязвимой группе, а утверждения о том, что любой подозреваемый в совершении преступления рискует подвергнуться жестокому обращению, носят слишком общий характер, чтобы служить доказательством серьезности риска.

При этом в деле *Коктыш против Украины* (*Koktysh v Ukraine*) (№ 43707/07) 10.12.09, ЕСПЧ постановил, что власти уже ранее подвергали заявителя жестокому обращению. Кроме того, ЕСПЧ постановил, что возможность подвергнуться смертной казни наряду с перспективой несправедливого суда (его предыдущий вступивший в силу оправдательный приговор был отменен) способна вызвать душевные страдания, достаточные для того, чтобы задействовать ст. 3.

Таким образом, новая практика ЕСПЧ о применении ст. 3 свидетельствует, что исход каждого дела в большой степени зависит от совокупности фактов и индивидуальных обстоятельств заявителя, особенно в связи с принадлежностью к уязвимым группам. Также очевидно, что ситуация с правами человека в каждой конкретной стране является критически важным требованием для установления нарушения ст. 3. Однако правоприменительная практика ЕСПЧ показывает, что при отсутствии индивидуального риска для заявителя выдача в современных условиях в страны СНГ не всегда приводит к нарушению статьи 3 Конвенции.

1 *Исмоилов и другие против России* (*Ismoilov & Others v Russia*) (№ 2947/06) 24.4.08, п. 121.

2 *Султанов против России* (*Sultanov v Russia*) (№ 15303/09) 4.11.10, п. 71; *Каримов против России* (*Karimov v. Russia*) (№ 54219/08) 29.7.10, п. 99.

3 См. *Вилвараджа и другие против Соединённого Королевства* (*Vilvarajah and others v United Kingdom*) (№ 13163/87; 13164/87; 13165/87; 13447/87; 13448/87) 30.10.1991.

Баятян против Армении (Bayatyan v Armenia)

Сирануш Саакян, юрист, «Защита прав без границ».

В этой статье рассматривается недавно вынесенное прецедентное решение по делу *Баятян против Армении (Bayatyan v Armenia)* (№ 23459/03) 7.07.11, в котором Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ), порвав со своей предыдущей практикой, решил включить отказ от военной службы по убеждениям в рамки ст. 9 Европейской Конвенции по правам человека (ЕКПЧ), гарантирующей право на свободу мысли, совести и религии.

Г-н Баятян – Свидетель Иеговы. Он достиг призывного возраста весной 2001 г. 1 апреля 2001 г. он написал в соответствующие государственные органы Армении заявление, в котором сообщил, что отказывается от несения военной службы в силу своих религиозных убеждений, однако готов вместо этого пройти альтернативную гражданскую службу. 2001 г. против него было возбуждено уголовное дело по обвинению в уклонении от призыва. 28 октября 2002 г. он был признан виновным и приговорен к полутора годам лишения свободы. После обжалования приговора прокурором его длительность была увеличена до двух с половиной лет. 22 июля 2003 г. Баятян был условно-досрочно освобожден. Он обратился в ЕСПЧ с жалобой на то, что его осуждение за отказ служить в армии нарушило ст. 9 ЕКПЧ.

В своем решении от 27 октября 2009 г. палата Суда интерпретировала ст. 9 в свете ст. 4(3)(b) ЕКПЧ, которая применительно к отказникам от военной службы использует следующие слова: «в странах, в которых правомерным признается отказ от военной службы на основании убеждений». Палата истолковала это в том смысле, что решение о том, признавать или не признавать отказ от военной службы по убеждениям, остается за каждой из договаривающихся сторон. Поэто-

му палата постановила, что ст. 9 не гарантирует право на отказ от военной службы по убеждениям совести и договаривающаяся сторона, не признавшая такое право, не может считаться нарушившей свои обязательства по Конвенции.

Предшествующая правоприменительная практика

Позиция палаты согласуется с предшествующей практикой и была установлена в деле *Грандрат против Германии (Grandrath v Germany)* (№ 2299/64)¹. Это дело касалось Свидетеля Иеговы, который хотел получить освобождение от воинской и гражданской службы. Европейская Комиссия по правам человека (Комиссия) отметила, что, хотя ст. 9 в целом гарантирует право на свободу мысли, совести и религии, в ст. 4 ЕКПЧ содержится положение, разрешающее несение обязательной службы, осуществляемой вместо военной службы в случае отказа от воинской повинности по соображениям совести. Поэтому Комиссия заключила, что право на освобождение от гражданской службы в ЕКПЧ отсутствует, однако воздержалась от интерпретации выражения «свобода совести и религии», использованного в ст. 9. Этот подход в дальнейшем был подтвержден Комиссией в других делах², где повторялось, что ст. 9, рассматриваемая в свете ст. 4(3)(b), не возлагает на государство обязанности признавать отказников от службы по убеждениям и, следовательно, создавать особые условия для реализации этого права. Поэтому данные статьи не препятствуют государству, не признающему отказа от службы по убеждениям, наказывать тех, кто отказывался нести военную службу.

В вынесенных позднее решениях относительно отказа от воинской службы по убеждениям, *Тлимменос против Греции (Thlimmenos v Greece)* (№ 34369/97), 6.4.2000 и *Юлке против Турции (Ülke v Turkey)*

(№ 39437/98) 24.1.06, ЕСПЧ не считал необходимым исследовать вопрос о применимости ст. 9, т.к. жалобы были рассмотрены в связи с другими положениями ЕКПЧ, а именно ст. 14 и 3.

Решение Большой Палаты

Рассмотрев дело Баятяна, Большая Палата постановила, что интерпретация ст. 4(3)(b), данная Комиссией и ЕСПЧ, не отражает подлинного смысла и назначения этого положения. Большая Палата заявила: «Подготовительные материалы подтверждают, что единственным назначением подпункта b ст. 4 п. 3 является дополнительное пояснение понятия «принудительный или обязательный труд». Сама по себе она не признает и не исключает право на отказ от выполнения гражданских обязанностей по убеждениям и поэтому не должна оказывать ограничивающего воздействия на права, гарантированные ст. 9». ЕСПЧ пришел к выводу, что ст. 9 более не следует читать в сочетании со ст. 4(3)(b) и жалобы следует рассматривать исключительно в рамках ст. 9. Вынося свое решение, Большая Палата подчеркнула статус Конвенции как «живого инструмента» и необходимость применять «динамический и эволюционный подход».

Большая Палата также учла изменяющееся отношение к отказу от военной службы по убеждениям в Армении. Хотя законодательство Армении не предусматривало возможности отказа от военной службы по убеждениям на момент осуждения заявителя, вскоре после этого был принят закон об альтернативной службе, и поэтому «осуждение г-на Баятяна за отказ от военной службы по убеждениям прямо противоречило официальной политике реформ».

Теперь ЕСПЧ установил ясный тест на применимость ст. 9 к отказу от военной службы по убеждениям:

«оппозиция военной службе, в тех случаях, когда она мотивирована серьезным и непреодолимым конфликтом между обязанностью служить в армии и совестью человека или его глубокими и подлинными религиозными или иными убеждениями, представляет собой убеждение или верование достаточной последовательности, серьезности, согласованности и важности, достойное защиты в соответствии со ст. 9».

В своем решении Большая Палата придала вес тому, что во время рассматриваемых событий среди государств-участников существовал практически полный консенсус в отношении признания права на отказ от военной службы по убеждениям. Поэтому данное дело предоставило ЕСПЧ своевременную возможность гармонизировать свой подход с на-

циональными законодательными нормами и социальной политикой государств-участников.

Венецианская комиссия

После обнародования решения Большой Палаты правительство Армении обратилось в Европейскую Комиссию за демократию через право (Венецианскую комиссию) с просьбой дать заключение на ее законопроект о внесении изменений в закон об альтернативной службе. В своем заключении, опубликованном 20 декабря 2011 г., Венецианская комиссия приветствует закон как шаг в правильном направлении, обеспечивающий соблюдение Арменией международных стандартов области отказа от военной службы по убеждениям. Однако Комиссия сделала несколько рекомендаций по усовершенствованию

предлагаемых изменений и ныне действующего законодательства. В частности, она отмечает, что, согласно ст. 3 действующего закона, гражданин может пройти альтернативную службу, если военная служба «противоречит его религиозной вере или убеждениям». Отметив применение ст. 9 ЕКПЧ к отказу от военной службы по убеждениям после решения по делу Баятяна, заключение указывает на жесткость данной формулировки и рекомендует изменение ст. 3 с целью приведения ее в более близкое соответствие формулировке ст. 9 ЕКПЧ.

1 *Грандрат против Германии (Grandrath v Germany)* (№ 2299/64), доклад комиссии от 12.12.66, Ежегодник, том 10, с. 626

2 *A против Швейцарии (A v Switzerland)* (№ 10640/83), решение Комиссии от 09.05.84, DR 38, с. 219

Процедура установления опеки в Грузии и Европейский Суд по правам человека

Мариам Убери, юрист

В соответствии с Европейской Конвенцией о правах человека (ЕКПЧ) на государстве лежит позитивное обязательство по установлению материальных и процессуальных гарантий предупреждения злоупотреблений при назначении опеки¹. Однако, как нам представляется, грузинское законодательство не соответствует требованиям ЕКПЧ.

Положения об опеке

В соответствии с Гражданским кодексом Грузии правами совершеннолетнего лица, признанного недееспособным в силу «умственной отсталости или психического заболевания» наделяется опекун², который является законным представителем этого лица³. Существует четыре уровня недееспособности: легкий, умеренный, значительный и высокий. Для признания лица недееспособным необходимо наличие последних трех уровней недееспособности⁴. Закон определяет правоспособность посредством оценки клинического,

социального, профессионального и психологического состояния, однако не содержит руководства относительно того, как и кем должна проводиться такая оценка – так, она может проводиться даже без обследования совершеннолетнего (например, если человек не в состоянии передвигаться)⁵. В законе содержится неясность относительно того, имеет ли такое лицо право на юридическое представительство⁶. Также в законе не указывается, есть ли у него право присутствовать и излагать свою позицию в ходе судебного процесса. Наконец, в законе нет положения, дающего человеку возможность пригласить независимого эксперта с целью оспорить выводы медицинской экспертизы.

Законодательство проводит различие между периодами оценки дееспособности в зависимости от степени таковой: совершеннолетнее лицо с умеренным или значительным уровнем недееспособности имеет право на ежегодную оценку, а лица с наиболее высокой степенью недееспособности — на оценку дважды в

год⁷. Однако недееспособное лицо, не демонстрирующее улучшений в течение пяти лет, не имеет права на дальнейшую повторную оценку⁸. Совершеннолетнее лицо, признанное недееспособным, не имеет права на судебный пересмотр этого решения, однако правоспособность восстанавливается только в случае «выздоровления или значительного улучшения в состоянии здоровья»⁹. Законодательство предусматривает возможность апелляции заинтересованной стороной¹⁰, однако на практике признанное недееспособным лицо не всегда информируется о таком решении.

Оценка недееспособности

В деле *Штукатуров против России (Shtukaturov v Russia)* (№ 44009/05) 04.03.10, Европейский Суд по правам человека постановил, что наличие психического расстройства, в том числе серьезного, само по себе не оправдывает полного лишения правоспособности — такая мера должна быть оправдана характером или

степенью расстройств¹¹. Грузинское законодательство не содержит подробных указаний относительно «характера» или «степени» инвалидности.

Юридическое представительство

ЕСПЧ указал, что, поскольку психическое заболевание может потребовать ограничения или видоизменения характера использования права на доступ к суду в соответствии со ст. 6, иногда необходимы особые процессуальные гарантии с целью защиты интересов лиц, которые не в полной мере дееспособны¹². Разбирательство, в ходе которого определяются гражданские права, без участия стороны, является нарушением ст. 6(1)¹³. Согласно толкованию ЕСПЧ, необходима особая тщательность в ходе определения «гражданского статуса и правоспособности»¹⁴, а юридическое представительство должно быть «эффективным»¹⁵.

Законодательство Грузии не предоставляет права на судебный пересмотр лицу, которое признано недееспособным бессрочно при отсутствии изменений в его состоянии в течение пяти лет. ЕСПЧ рассудил, что в случаях отсутствия «автоматического периодического пересмотра» судебным органом закон должен предусматривать возможность «пересмотра лишения правоспособности»¹⁶. Принципы

соразмерности и гибкости требуют, чтобы любые меры, связанные с ограничением правоспособности, применялись лишь постольку, поскольку это оправдано состоянием данного лица¹⁷. Меморандум к Рекомендации № R(99)4 дополнительно подчеркивает, что бессрочное лишение правоспособности может осуществляться в исключительно редких случаях¹⁸. ЕСПЧ заявляет, что право обращения в суд с просьбой о пересмотре решения является одним из «наиболее важных прав такого лица»¹⁹. Несмотря на это, очевидно, что положения грузинского законодательства не отличаются ни соразмерностью, ни гибкостью.

Кроме того, ЕСПЧ указывает, что закон должен предусматривать возможность обратиться с заявлением о восстановлении правоспособности²⁰.

Обжалование

Грузинское законодательство содержит неопределенность в отношении процессуальных гарантий, дающих лицу право присутствовать и выступать в ходе разбирательства, право на рассмотрение доказательств и эффективное право обжалования. Однако ЕСПЧ подчеркивает важность этих гарантий и настаивает на праве личного присутствия и выражения позиции в ходе разбирательства²¹. ЕСПЧ полагает, что любые

заклучения, составленные от имени лица, вопрос о чьей правоспособности рассматривается судом, должны учитываться точно так же, как и другие экспертные заключения²². Вопреки этим требованиям грузинское законодательство не допускает возможности независимой экспертизы. Аналогичным образом отсутствие гарантии уведомления о решении суда делает право на обжалование иллюзорным. ЕСПЧ утверждает, что «лица, на которых распространяется закон», должны обладать в апелляционных судах фундаментальными гарантиями, содержащимися в ст. 6²³. ЕСПЧ также утверждает, что необоснованное ограничение возможности обжалования, даже с помощью опекуна, является нарушением права на справедливое разбирательство²⁴.

Заключительные замечания

Анализ грузинского законодательства об опеке заставляет сделать вывод, что процедура установления правоспособности не гарантирует наличия необходимых фундаментальных процессуальных гарантий участия, представительства и эффективного обжалования, и поэтому необходим его существенный пересмотр с целью обеспечить его соответствии ЕКПЧ.

1 В соответствии со ст. 6 и 8 ЕКПЧ, а также Рекомендацией Комитета министров R(99)4 о принципах правовой защиты совершеннолетних недееспособных лиц.

2 Гражданский кодекс Грузии, ст. 12(5).

3 Там же, ст. 1293.

4 Там же, ст. 10 (3).

5 Закон о медицинском освидетельствовании, ст. 51(2).

6 Гражданский кодекс Грузии, ст. 325 (2)

7 Закон о медицинском освидетельствовании, ст. 12.

8 Там же, ст. 14.

9 Гражданский кодекс Грузии, ст. 12(6).

10 Гражданский кодекс Грузии, ст. 1305.

11 *Штукатуров против России (Shtukaturov v Russia)* (№ 44009/05), 27.03.08, п. 95, см. также принцип 3 (1) Рекомендации R (99) 4 Комитета министров о принципах правовой защиты со-

вершеннолетних недееспособных лиц.

12 *Винтерверп против Нидерландов (Winterwerp v the Netherlands)* (№ 6301/73) 24.10.79 см. прим. 14 выше, п. 60.

13 Ст. 6(1) ЕКПЧ. В контексте уголовного права Суд заявил, что лицо может отказаться от права присутствовать на судебном слушании только в том случае, если оно было заблаговременно уведомлено об этом слушании. См. *Пуатримоль против Франции (Poitrimol v France)* (№ 14032/88), 26.10.93, п. 31.

14 *Маттер против Словакии (Matter v Slovakia)* (№ 31534/96), 05.07.99, п. 54.

15 *Чекалла против Португалии (Czekalla v Portugal)* (№ 38830/97), 10.01.03, п. 60.

1 *Станев против Болгарии (Stanev v Bulgaria)* (№ 13770/88), 17.01.12, п. 241.

17 Рекомендация № R (994), принцип 14.

18 Согласно пояснительному меморандуму к Рекомендации № R(99), распоряжение о бессрочном лишении правоспособности должно

быть исключительной мерой и применяться только в случаях, где лицо страдает старческим слабоумием или болезнью Альцгеймера, п. 54.

19 *Станев против Болгарии* (см. прим. 16 выше) п. 241. Суд также ссылается на Конвенцию ООН о правах инвалидов, которая рекомендует введение адекватных процессуальных гарантий с целью защиты лиц, признанных недееспособными, и обеспечения периодического пересмотра их статуса и предоставления соответствующих средств защиты, п. 244.

20 Там же, п. 245.

21 *Боттен против Норвегии (Botten v. Norway)* (№ 16206/90), 19.02.96, п. 53. См. также Рекомендацию № R (994), принцип 14.

22 *Кутцнер против Германии (Kutzner v Germany)* (№ 46544/99), 10.06.02, п. 73.

23 *Делькур против Бельгии (Delcourt v Belgium)* (№ 2689/65) 17.01.70, 1 EHRR 355, п. 25.

24 *Салонтай-Дробняк против Сербии (Salontaji-Drobnjak v Serbia)* (No. 36500/05) 13.10.09, pp 134-135.

Защищены ли представители LGBT-сообщества в Грузии от дискриминации и преступлений на почве ненависти?

Софио Джапаридзе, юрист

В Грузии господствуют глубоко укорененные традиции, история и религиозный уклад, способствующие стигматизации и усиливающие существующие негативные стереотипы в отношении LGBT-сообщества. Это усугубляется практикой государственных органов и несовершенством законодательства, которое не обеспечивает надлежащей защиты представителей LGBT-сообщества от дискриминации и преступлений на почве ненависти¹. Несмотря на то, что гомосексуальность не является уголовным преступлением в Грузии с 2000 г., на большинстве уровней грузинского общества все еще преобладает враждебность по отношению к сексуальным меньшинствам, в результате чего представители LGBT предпочитают не привлекать к себе внимания².

1. Законодательство

Ст. 14 Конституции Грузии гарантирует равенство всех перед законом³. В отличие от Европейской Конвенции в Конституции содержится исчерпывающий перечень запрещенных оснований дискриминации. В этот перечень не входят сексуальная ориентация или гендерная идентичность. Теоретически «пол» можно истолковать как основание, включающее в себя «сексуальную ориентацию»⁴, однако Конституционный Суд еще не дал по этому поводу руководящих указаний⁵. Ст. 142 Уголовного кодекса Грузии⁶ предусматривает уголовную ответственность за неравное об-

ращение с людьми, в том числе по признаку пола. Опять-таки, дискриминация на основании сексуальной ориентации или гендерной идентичности открыто не запрещена.

Законодательство Грузии не содержит определения преступлений на почве ненависти, хотя мотив ненависти считается отягчающим обстоятельством и приводит к ужесточению наказаний за определенные преступления (например, преступления, совершенные по мотивам религиозной или национальной вражды)⁷. Однако сексуальная ориентация и гендерная идентичность в числе таких мотивов не упоминаются. Когда писалась эта статья, парламент Грузии принял новый закон о внесении изменений в Уголовный кодекс Грузии. В этом законе, в частности, ненависть в отношении представителей этнических и религиозных меньшинств определяется как общее отягчающее обстоятельство применительно ко всем преступлениям. Кроме того, по рекомендации различных грузинских неправительственных организаций LGBT в число показателей преступлений, совершенных по мотивам ненависти, были включены сексуальная ориентация и гендерная идентичность. Закон был недавно принят и в скором времени вступит в силу. В Грузии не существует уголовной ответственности за выражения ненависти (использование т. н. «языка вражды»). В основном этот вопрос регулируется с помощью этических хартий и кодексов поведения⁸.

2. Практика государственных органов

О преступлениях на почве ненависти в отношении представителей сексуальных меньшинств обычно не сообщают. Помимо отсутствия законодательства о преступлениях на почве ненависти, жертвы таких преступлений редко сообщают о них из страха, что их сексуальная ориентация станет публичным достоянием, а также из-за недоверия к правоохранительной системе⁹. Обычно преступления на почве ненависти к сексуальным меньшинствам проходят в рамках других положений Уголовного кодекса и, соответственно, невозможно установить, было ли конкретное преступление мотивировано ненавистью¹⁰.

Публичные выражения гомофобии являются обычным делом. Например, 30 июля 2009 г. во время встречи с представителями гражданского общества один из двух кандидатов на должность Общественного защитника Грузии заявил, что в Грузии снова следует ввести уголовную ответственность за гомосексуализм¹¹. Однако, с другой стороны, недавно тележурналист был признан виновным в соответствии с Хартией журналистской этики в том, что не помешал высказыванию гомофобских взглядов одним из участников программы¹².

Часто негативная реакция по отношению к деятельности LGBT в Грузии носит предупреждающий характер. Один из недавних примеров – слухи о гей-параде, планируемом в Батуми на август 2010 г., проведению которого попыталась помешать церковная

иерархия¹³. Аналогично, в 2007 г. организаторы были вынуждены отменить кампанию Совета Европы «Все разные, все равные», которая пропагандировала толерантность и культурный диалог (однако не была посвящена исключительно правам LGBT-сообщества). Ложные слухи о том, что кампания на самом деле является замаскированным гей-парадом, привели к протестам и осуждению со стороны православной церкви и телеканалов, породив страх нападения¹⁴.

3. Ожидающая рассмотрения жалоба на нарушение ЕКПЧ

До сих пор у ЕСПЧ не возникло возможности рассмотреть случаи дискриминации и жестокого обращения по мотивам гомофобии в отношении представителей сексуальных меньшинств в Грузии. Однако недавно поданная жалоба по делу *Aghdgomelashvili and Japaridze (Агдгомелашвили и Джaparидзе) v*

Georgia (№ 7224/11), касающаяся обыска, проведенного полицией в помещениях LGBT-организации “Inclusive Foundation”, дает ЕСПЧ такую возможность. В этом деле заявители утверждают, что сотрудники полиции проявили крайнюю степень гомофобии по отношению к ним на основании их реальной или предполагаемой сексуальной ориентации. Это поведение выражалось в многочисленных оскорблениях, грубом обращении и незаконном обыске с раздеванием. Несмотря на многочисленные публичные заявления национальных и международных НПО, осуждающие поведение полиции, а также заявления заявителей с просьбой о возбуждении уголовного дела, эффективное расследование по делу не велось и ни один из сотрудников полиции не был привлечен к ответственности¹⁵.

Это дело показывает, до какой степени подавляется общественная деятельность LGBT-

активистов в бывшем Советском Союзе. К другим примерам относятся запреты на проведение гей-парадов¹⁶, использование языка вражды¹⁷ и отказ в регистрации неправительственных организаций LGBT¹⁸. Значимость его состоит не только в том, что это первое дело, касающееся жестокого обращения по мотивам гомофобии, но и, с учетом отсутствия аналогичных решений в отношении других государств, в силу его потенциального влияния на защиту прав LGBT на территории Совета Европы в целом.

В целом же, хотя законодательство и практика Грузии в области прав человека значительно улучшились после вступления страны в Совет Европы, необходимо продолжать добиваться обеспечения прав представителей LGBT-сообщества на равное обращение и отсутствие дискриминации и защиту от преступлений на почве ненависти.

1 Согласно практике ЕСПЧ, различие в обращении на основании сексуальной ориентации требует особенно веских причин, чтобы быть оправданным в соответствии с Конвенцией, и в этом вопросе государства пользуются узкой степенью свободы усмотрения. См. *E.B. против Франции (E.B. v France)* (№ 43546/02), 22.01.08, п. 91; *Шальк и Копф против Австрии (Schalk and Kopf v Austria)* (№ 30141/04), 24.06.10, п. 97; *Киютин против России (Kiyutin v Russia)* (№ 2700/10) 10.03.11 § 63.

2 См. решение Верховного Суда Соединенного Королевства по делу *H.J. (Iran) & H.T. (Cameroon) v Secretary of State for the Home Department*, [2010] UKSC 31.

3 «Все люди рождены свободными и равными перед законом независимо от расы, цвета кожи, языка, пола, религиозной принадлежности, политических и иных убеждений, национальной, этнической и социальной принадлежности, происхождения, имущественного статуса и места проживания».

4 См. *Toonen v Australia*, UNHRC, CCRP/C/50/D/488/1992, UN Human Rights Committee (HRC), 4.04.94, п. 8.7.

5 См. «Обзор законодательства Грузии в отношении прав LGBT»: <http://inclusive-foundation.org/home/?page=publications&lang=en>.

6 «Нарушение равенства людей на основании их расы, цвета кожи, языка, пола, религии, политических и иных убеждений, национальной, этнической и социальной принадлежности, происхождения, места жительства или материально-

го положения, существенно нарушившее права человека».

7 См. ст. 109.2 (d) Уголовного кодекса – «Умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, умышленное убийство по мотивам расовой, религиозной, национальной или этнической нетерпимости».

8 Эта поправка была внесена по рекомендации Европейской Комиссии против расизма и нетерпимости (ECRI). См. п. 21 Рекомендации общего характера №7 ECRI о национальном законодательстве, направленном на борьбу с расизмом и расовой дискриминацией, принятой 13 декабря 2010 г.

9 См. Хартию журналистской этики и Кодекс поведения сотрудников публичных каналов вещания.

10 См. *'Forced Out: LGBT People in Georgia'*, доклад исследовательской миссии ILGA-Europe /COC, Шила Квин, август 2007 г., с.35: http://www.ilga-europe.org/home/publications/reports_and_other_materials/%28offset%29/15

11 Там же, с.58.

12 Дмитрий Лорткипанидзе, заместитель председателя парламентского комитета Грузии по вопросам прав человека и гражданской интеграции. См. *"Ombudsman Nominee Says : "Homosexuality Should be Punishable":* <http://www.civil.ge/eng/article.php?id=21309>.

13 См. жалобу Палаты Сабелашвили на Александра Элишавили, направленную в Совет по

журналистской этике: <http://www.media.ge/en/node/37242>.

14 См. Официальное заявление Грузинского Патриархата с призывом к властям запретить заявление Грузинского Патриархата: Official statement of the Patriarchate of Georgia calling on the authorities to prevent the acolytes of "Sodom and Gomorrah" from marching through the streets http://www.patriarchate.ge/?action=news_show&mode=news&id=565.

15 См. альтернативный доклад Комитету ООН по правам человека *"Violations of the Rights of Lesbian, Gay, Bisexual and Transgender Persons in Georgia"*: http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrc/docs/ngos/GRPJ_Georgia.pdf, с.11-12.

16 Дело было подано в Суд организациями ИНТЕРРАЙТС и «42 статья Конституции». Более подробно об этом деле см. <http://www.interights.org/aghdomelashvili/index.htm>.

17 См. *Алексеев против России (Alekseyev v Russia)* (№ 4916/07, 25924/08 и 14599/09) 21.10.10; см. также изложение фактов в деле *Гендердок-М против Молдавии (Genderdoc-M v Moldova)* (№ 9106/06).

18 См. изложение фактов в деле *Алексеев и другие против России (Alekseyev et al v Russia)* (№ 39954/09).

19 См. изложение фактов в деле *Жданов и «Радужный дом» против России (Zhdanov & Rainbow House v Russia)* (№ 12200/08).

Судебные дела по правам человека

В разделе приводятся избранные решения по значимым недавним делам в области прав человека и по делам, в которых EHRAC и его партнеры представляют заявителей.

Дела EHRAC-«Мемориал»

Исаев против России

(Isayev v Russia)

(№ 43368/04), 21.06.11

(ЕСПЧ: решение по существу)

Право на жизнь

Факты

Заявители – родственники Зелимхана Исаева. Вечером 9 мая 2004 г. группа вооруженных людей в масках ворвалась в дом Зелимхана Исаева в селе Гой-Чу (Чечня). Хотя ничего инкриминирующего они не нашли, тем не менее на Зелимхана надели наручники и увели в следственный изолятор МВД. 12 мая 2004 г. его перевели в больницу, где его посетили братья. Он сказал им, что во время содержания под стражей его прижигали сигаретами, избивали дубинками и пропускали электроток через половые органы. Согласно записям в медицинской карте от 12 мая 2004 г., он получил серьезные травмы, согласующиеся с его рассказом. Он умер 16 мая 2004 г. Российское правительство утверждало, что Исаев был причастен к подрыву машин российских вооруженных сил. Они также утверждали, что телесные повреждения были причинены, когда военнослужащие были вынуждены удерживать его в результате попыток сопротивления при аресте.

Решение

ЕСПЧ отклонил утверждение правительства о попытках Исаева сопротивляться аресту и

Чеченский архив

Архивы – хранилища не только исторической памяти, но и вины и ответственности, и в Чечне, где длительная война, отмеченная систематическими злоупотреблениями, по большей части забытыми, хранение документов может стать ключевым входным пунктом.

Чеченский архив был создан правозащитницей Зайнап Гашаевой, чья организация отсняла сотни часов документальной съемки с начала в 1994 г. первой чеченской войны. Когда в 1999 г. началась так называемая «антитеррористическая операция», эти ресурсы были тайно переданы Ассоциацию по защите репрессированных народов, которая действует в Швейцарии, и теперь архив находится там.

В настоящее время в Архиве

содержится более 400 видеороликов, которые постепенно подвергаются цифровой обработке и систематизируются в специальной базе данных, в которую также вносятся дополнительные материалы, подготовленные известными журналистами. Архивная информация помогает добиться правосудия и справедливости, сохраняя коллективную память и добиваясь наказания для преступников.

Материалы Чеченского архива могут быть полезны для студентов, юристов, журналистов, неправительственных организаций, частных лиц — чеченцев и россиян.

За дополнительной информацией обращайтесь по электронной почте shoma.chatterjee@gfbv.ch.

постановил, что правительство не представило правдоподобного или удовлетворительного объяснения его гибели. Поэтому имело место нарушение ст. 2. Также ЕСПЧ установил нарушение ст. 2 в результате непроведения эффективного расследования по факту смерти. ЕСПЧ с особым сожалением отметил, что не было проведено вскрытие, а также что сотрудники ФСБ, участвовавшие в аресте Исаева, не были допрошены, и решение о проведении расследования было принято через

три года после смерти.

ЕСПЧ установил нарушение ст. 3 и счел, что «обращение, которому подвергся Зелимхан Исаев, было особенно жестоким и суровым». ЕСПЧ также признал нарушение ст. 13, поскольку у заявителей отсутствовали средства защиты, способные привести к установлению и наказанию виновных или к присуждению компенсации. Заявителям было присуждено 78 тыс. евро компенсации нематериального ущерба.

Комментарий

Правительство обратилось с просьбой признать жалобу неприемлемой, поскольку заявители не исчерпали всех средств защиты на внутригосударственном уровне. ЕСПЧ отклонил эту просьбу, подчеркнув, что правило об исчерпании внутренних средств защиты следует применять гибко и без чрезмерного формализма. Важно учитывать обстоятельства конкретного дела, реалистично оценивая не только формальное наличие средств защиты, но и индивидуальные обстоятельства заявителя. Исходя из этого Суд решает, все ли, чего можно было обоснованно ожидать, предпринял заявитель.

Вельхиев и другие против России
(*Velkhiyev and Others v Russia*)
(№ 34085/06), 05.07.11
(ЕСПЧ: решение по существу)
Право на жизнь

Факты

Заявителями по делу являются жена и пятеро детей Башира Вельхиева и Бекхан Вельхиев – брат Башира. Все они – граждане России. Бекхан проживает в Малгобеке, а остальные заявители – в селе Барсуки (Ингушетия). 20 июля 2004 г. группа вооруженных военнослужащих увезла братьев в отдел по борьбе с организованной преступностью МВД Ингушетии. В течение последующих 24 часов обоих подвергали пыткам. На Бекхана надели наручники, завязали глаза, избивали дубинками и пытали электрошоком. Башир не пережил пыток. На следующий день было возбуж-

дено следствие и, в том числе, проведено вскрытие тела Башира, хотя сотрудники УБОП подтвердили факт жестокого обращения, виновные не были установлены. В апреле 2005 г. прокуратура Назрани подтвердила, что неустановленные сотрудники МВД незаконно задержали братьев и жестоко избили их в помещениях УБОП. В ходе следствия эти помещения не осматривались.

Решение

ЕСПЧ постановил, что имели место два нарушения ст. 2 — в связи со смертью Башира и непроведением эффективного расследования по данному факту. ЕСПЧ установил два нарушения ст. 3 на основании постоянного состояния физической боли и страха, в котором находились братья, и непроведения эффективного расследования по факту жестокого обращения с ними. Также Суд постановил, что имело место нарушение ст. 5 в связи с непризнанным содержанием под стражей обоих братьев. ЕСПЧ присудил Бекхану компенсацию нематериального ущерба в размере 55 тыс. евро, а жене и детям Башира – 75 тыс. евро.

Комментарий

ЕСПЧ постановил шестью голосами против одного, что ст. 3 в отношении жены и детей Башира Вельхиева не была нарушена. Является ли член семьи «исчезнувшего» жертвой жестокого обращения в нарушение ст. 3, зависит от наличия факторов, придающих их страданию особую эмоциональную интенсивность. Российский судья А. Ков-

лер выразил несогласие с этим выводом, заявив: «*трудно представить, что... трагические обстоятельства этого дела не способны послужить основанием для установления отдельного нарушения ст. 3 Конвенции*». Однако большинство постановило, что, поскольку Башир Вельхиев отсутствовал не более 24 часов, он не мог считаться «исчезнувшим», а страдание, перенесенное его женой, не было достаточно интенсивным для установления отдельного нарушения ст. 3.

Цечоев против России
(*Tsechoyev v Russia*)
(№ 39358/05), 15.3.11
(ЕСПЧ: решение по существу)
Право на жизнь

Факты

Заявитель, Руслан Цечоев, — гражданин России. Брат заявителя, Сулейман Цечоев, был обнаружен мертвым 24 августа 1999 г., после того, как накануне четверо мужчин в гражданской форме увели его из следственного изолятора. Г-н Цечоев обвинялся в содействии похищению родственника высокопоставленного директора предприятия. Похитившие Цечоева люди назвались сотрудниками милиции и предъявили разрешения (которые, как оказалось позднее, были поддельными) на его перевод в другое место содержания под стражей. После обнаружения его тела с множественными огнестрельными ранениями было возбуждено уголовное дело. Попытки установить личность виновных потерпели неудачу.

Решение

ЕСПЧ не нашел материально-го нарушения ст. 2, установив лишь нарушение ее процессуального аспекта. Он счел, что представленных доказательств было недостаточно для установления с необходимой степенью определенности, что вооруженные люди были сотрудниками государственных органов, а также постановил, что меры, принятые для охраны жизни Цечоева, были вполне адекватны предполагаемому уровню риска. Однако ЕСПЧ установил нарушение ст. 2 в связи с неэффективностью расследования обстоятельств убийства г-на Цечоева. Заявитель также жаловался на то, что он был лишен эффективных средств защиты в отношении вышеуказанных нарушений, что является нарушением ст. 13, однако ЕСПЧ счел, что эта жалоба уже была исследована. В соответствии со ст. 41, ЕСПЧ постановил, что Россия обязана выплатить Руслану Цечоеву 15 тыс. евро компенсации нематериального ущерба и 2 500 евро за расходы и издержки.

Комментарий

Обязательство по защите права на жизнь по ст. 2 также подразумевает проведение в случаях убийства в результате применения силы эффективного официального расследования. Такое расследование должно быть независимым, целесообразным, быстрым и доступным для родственников и открытым в достаточной степени для общественного анализа. В этом деле, счел ЕСПЧ, были приняты меры по исследова-

нию заявлений заявителя и его семьи о возможной причастности человека, которого преимущественно подозревали родственники. Однако ЕСПЧ повторил, что не существует «*абсолютного права на уголовное преследование или осуждение, и факт завершения следствия без конкретных результатов или с очень ограниченными результатами, не указывает сам по себе на какие-либо недостатки. Обязательство относится только к средствам*».

Якубов против России *(Yakubov v Russia)*

(№ 7265/10) 08.11.11

Эргашев против России *(Ergashev v Russia)*

(№ 12106/09) 20.12.11

ЕСПЧ: решение по существу
Экстрадиция в Узбекистан

Факты

Заявители по обоим делам – граждане Узбекистана, которым угрожало выдворение из России в Узбекистан, где против них были возбуждены уголовные дела по обвинению в участии в запрещенных экстремистских организациях. Оба заявителя утверждали, что в местах содержания под стражей в Узбекистане они подвергнутся риску пыток и/или жестокого обращения, и поэтому их возможная выдача нарушит ст. 3 (пытки и/или унижающее или жестокое обращение). Якубов также заявлял о нарушении ст. 13 (эффективное средство защиты). Эргашев, кроме того, жаловался на то, что условия его содержания в России нарушили ст. 3. Кроме того, он жаловался на нарушение ст. 5 (лишение свободы),

утверждая о незаконности его содержания под стражей, и ст. 6 (право на справедливое разбирательство) на том основании, что в новостях его, со ссылкой на сведения, полученные от сотрудников государственных органов, представляли как террориста и экстремиста, тем самым нарушая презумпцию невиновности.

Решение

В отношении экстрадиции обоих заявителей ЕСПЧ постановил, что в случае их депортации имело бы место нарушение ст. 3. ЕСПЧ постановил, что пытки и жестокое обращение под стражей по-прежнему являются распространенной и системной практикой в Узбекистане, особенно применительно к политическим или религиозным «экстремистам», и поэтому в случае возвращения заявителей в Узбекистан реальна опасность обращения, нарушающего ст. 3. В деле Якубова ЕСПЧ установил нарушение ст. 13, указав, что российские суды не провели «*тщательного исследования*» утверждений заявителя о том, какому обращению он подвергнется, если ему не будет предоставлено убежище. В деле Эргашева ЕСПЧ постановил, что условия содержания заявителя под стражей в России были бесчеловечными и унижающими, и на этом основании установил еще одно нарушение ст. 3. Заявитель провел четыре дня в маленькой камере, предназначенной для административных арестов и не имевшей базовых удобств (туалета или раковины), а потом еще пять месяцев — в камере, где заключенных было

больше, чем спальных мест. Ст. 5(1) также была нарушена, поскольку сроки содержания под стражей не были определены, и поэтому он был лишен адекватных гарантий, предоставляющих защиту от произвола. ЕСПЧ также установил нарушение ст. 6(2). Сотрудники правоохранительных органов должны были с большей осторожностью рассказывать об Эргашеве в СМИ и нарушили в этом случае презумпцию невиновности.

ЕСПЧ присудил Эргашеву 15 тыс. евро компенсации нематериального ущерба, и обоим заявителям – компенсацию расходов и издержек.

Комментарий

В отличие от дела *Элмуратов против России (Elmuratov v Russia)* (№ 66317/09) 03.03.11, ЕСПЧ постановил, что лица, содержащиеся под стражей в Узбекистане, подвергаются опасности жестокого обращения. Подозрения, что и Якубов и Эргашев были участниками экстремистской группы, повышают вероятность такого обращения, с учетом сообщений о преследовании таких групп властями Узбекистана. В деле Якубова на решение ЕСПЧ также повлияло подробное изложение заявителем неоднократных случаев содержания под стражей в прошлом и жестокого обращения с ним со стороны узбекских властей, а также решение ВКДБ ООН о том, что заявитель требует международной защиты в рамках мандата ООН. В обоих делах ЕСПЧ постановил, что данные Узбекистаном дипломатические заверения не являются надежной гарантией,

поскольку практика, которой касались жалобы, применяется в этой стране повсеместно.

Эсмухамбетов и другие против России

(Esmukhambetov and Others v Russia)

(№ 23445/03), 29.03.11

(ЕСПЧ: решение по существу)

Право на жизнь

Факты

Заявителями в этом деле выступили 27 граждан России, проживавших в селе Коги Шелковского р-на Чеченской республики. 12 сентября 1999 г. в результате авиабомбардировки были разрушены дома заявителей и убиты члены семей пятерых из них. Один из заявителей стал свидетелем гибели жены и двух маленьких сыновей. После нападения заявители неоднократно обращались в различные государственные органы. Уголовное дело было возбуждено в январе 2002 г., однако прекращено в сентябре 2005 г. на основании отсутствия состава преступления в соответствии с российским законодательством. В решении говорилось, что приказ о бомбардировке деревни был оправдан необходимостью предотвращения террористических атак. В рамках отдельных гражданских дел трем из родственников была присуждена компенсация.

Решение

ЕСПЧ постановил, что имели место два нарушения ст. 2: в связи с непроведением властями адекватного и эффективного расследования по факту гибели пятерых родственников

заявителей, а также в связи с тем, что власти не защитили право погибших на жизнь. Также Суд постановил, что имело место нарушение ст. 13 (право на эффективное внутригосударственное средство правовой защиты) в сочетании со ст. 2 в отношении вышеупомянутых заявителей. В отношении всех заявителей ЕСПЧ также установил нарушение ст. 13 в сочетании со ст. 8 и ст. 1 Протокола 1, и нарушения ст. 8 и ст. 1 Протокола 1. ЕСПЧ установил нарушение ст. 3 в связи с душевными страданиями, перенесенными первым заявителем в связи с гибелью его жены и двоих сыновей. Заявителям была присуждена компенсация общей суммой в 1 031 000 евро и 467 тыс. евро в порядке возмещения соответственно материального и нематериального ущерба.

Комментарий

Российское правительство оспаривало приемлемость жалоб на нарушения ст. 2, утверждая, что соответствующие заявители не могут все еще считаться жертвами нарушения, поскольку им была выплачена первоначальная компенсация. ЕСПЧ повторил, что, несмотря на то, что в рамках возмещения пострадавшим должна быть доступна компенсация за ущерб, вызванный нарушением ст. 2, нарушения ст. 2 в случаях смертоносного нападения агентов государства не могут быть исправлены лишь присуждением компенсации родственникам жертв. Ибо «если бы власти могли в таких случаях ограничиться лишь выплатой компенсации, при этом не принимая

достаточных мер для привлечения к ответственности и наказания виновных, это может привести к неправомерному применению смертоносной силы агентами государства, которые в таком случае окажутся в позиции фактической безнаказанности».

**«Юкос» против России
(Yukos v Russia)**

(№ 14902/04) 20.09.11

(ЕСПЧ: решение по существу)

Право на справедливое разбирательство

Факты

Заявителем по делу является крупная частная нефтяная компания «Юкос». В 2002 г. компания была признана виновной в неоднократном уклонении от налогов. В 2004 г., в результате исполнительного производства, активы компании были конфискованы, а ее банковские счета частично заморожены. Московский арбитражный суд постановил, что компания обязана выплатить налоги, проценты и штрафы на сумму 2 847 497 802 евро. «Юкос» несколько раз безуспешно обжаловал это решение, ссылаясь на процессуальные нарушения и нехватку времени для подготовки защиты. В сентябре 2004 г. налоговая инспекция признала «Юкос» виновным в новых налоговых преступлениях, совершенных после 2000 г. Компании было предписано выплатить суммы аналогичного размера за 2001 — 2003 годы, а также исполнительский сбор в 7% от общей суммы долга. Несмотря на многочисленные просьбы компании об отсрочке даты платежа,

был установлен очень короткий срок для погашения долга. 19 декабря 2004 г. 76,79% самой ценной дочерней компании «Юкоса» было продано на аукционе в целях погашения налоговой задолженности «Юкоса». «Юкос» был объявлен банкротом 4 августа 2006 г. и ликвидирован 12 ноября 2007 г.

Компания-заявитель обратилась в ЕСПЧ с жалобой на нарушения ст. 6 (право на справедливое разбирательство), ст. 1(1) (право на уважение имущества) и ст. 14 (запрет дискриминации).

Решение

ЕСПЧ установил нарушение ст. 6 в связи с тем, что «Юкос» не располагал временем, достаточным для изучения материалов дела во время первого разбирательства и для подготовки к обжалованию. Также Суд установил нарушение ст. 1(1) на основании поспешности разбирательства и возложенного на компанию обязательства заплатить полностью 7%-ный исполнительский сбор, и жесткость в исполнении этого решения стала важным фактором в гибели «Юкоса». ЕСПЧ отклонил жалобу «Юкоса» по ст. 14 на то, что многие российские налогоплательщики пользовались теми же способами ведения налоговой отчетности, что и «Юкос», который подвергся избирательному преследованию.

Комментарий

Это дело представляет собой лишь небольшую стычку в гораздо более масштабной битве между российским государством и бывшими владельцами «Юкоса». Исходя из этого

можно утверждать, что нарушения ЕКПЧ, установленные ЕСПЧ, гораздо менее серьезны, чем отклонение им потенциально наиболее опасного для правительства утверждения заявителя о политических мотивах преследования и о том, что целью государства было уничтожение компании и установление контроля над ее активами. Несмотря на громкие заявления о победе, сделанные от имени заявителя, Россия вряд ли будет чрезмерно обеспокоена исходом этого дела.

Финогенов и другие против России

(Finogenov and Others v Russia)

(№ 18299/03 и 27311/03),
20.12.11

(ЕСПЧ: решение по существу)

Право на жизнь

Факты

Две группы заявителей, в общей сложности 64 человека, — жертвы либо родственники жертв, взятых в заложники во время захвата московского театра 23-26 октября 2002 г. (террористическая акция «Норд-Ост»). 23 октября 2002 г. группа чеченских сепаратистов захватила в заложники более 900 человек, находившихся в театре. 26 октября 2002 г. российский спецназ закачал в зрительный зал неизвестный газ наркотического действия и затем взял здание штурмом, убив почти всех террористов и освободив большинство заложников.

Заявители из обеих групп утверждают, что их родственники пострадали и погибли в результате действий российских

сил безопасности. Группа заявителей, которые сами были заложниками, утверждали, что их жизнь была поставлена под угрозу либо им был причинен ущерб этой акцией. Утверждалось, что применение силы спецназом было несоизмеримым, помощь, предоставленная пострадавшим, – неадекватной, а последующее уголовное расследование – неэффективным.

Решение

ЕСПЧ рассмотрел жалобы по ст. 2, установив два нарушения, одно из которых – в связи с неадекватным планированием и проведением спасательной операции и одно – в связи с непроведением властями «эффективного» уголовного расследования по данной спасательной операции. ЕСПЧ указал, что спасательная операция «была недостаточно подготовленной», а «расследование по факту предположительной халатности властей в этом деле не было тщательным и независимым».

Не было установлено нарушения ст. 2 в отношении принятого властями решения раз-

решить кризис с заложниками путем прекращения переговоров и штурма здания, а также использования наркотического газа. ЕСПЧ указал, что «имела место реальная, серьезная и непосредственная опасность массовых человеческих потерь и власти имели все причины полагать, что насильственное вторжение в данных обстоятельствах будет «меньшим злом», а использование газа в данных условиях не было несоизмеримой мерой.

Комментарий

Значение данного дела состоит в том, что в нем устанавливаются обязательства, которые должны выполнять государства в связи с проведением контртеррористических операций. Конкретно говоря, применение государством смертоносной силы не должно превышать пределов «абсолютной необходимости». ЕСПЧ вправе отступить от этого жесткого стандарта оценки в случаях, когда определенные аспекты выходят за пределы его компетенции или власти находились под огромным давлением времени и не обладали

контролем над ситуацией.

Чтобы проводимое государством расследование по фактам смерти людей в результате применения силы властями было «эффективным», оно должно быть тщательным, независимым, а материалы и выводы следствия должны быть в достаточной степени доступны родственникам жертв в той степени, в которой это не наносит серьезного ущерба его эффективности.

ЕСПЧ подверг тестированию общий принцип осуждения неразборчивого применения тяжелых вооружений в ходе антитеррористических операций, сформулированный в деле *Исаева против России (Isayeva v Russia)* (57950/00) 24.02.05. ЕСПЧ указал, что, несмотря на использование российским спецназом газа против группы заложников и захватчиков, и несмотря на опасность и потенциальный летальный исход его применения, газ не был применен «неразборчиво», с учетом того, что у заложников оставался высокий шанс остаться в живых в зависимости от эффективности спасательных мер, проведенных властями.

Решение о приемлемости, вынесенное Большой Палатой

**Саргсян против
Азербайджана
(Sargsyan v Azerbaijan)**
(№ 40167/06) dec 14.12.11

Факты

Заявитель, Минас Саргсян, был армянским беженцем, который был вынужден бежать

из своего дома в 1992 г. во время армяно-азербайджанского конфликта в Нагорном Карабахе (НКАО). В 2009 г. он умер, и жалобу от его имени поддерживают его вдова и дети.

До 1992 г. г-н Саргсян проживал с семьей в Гюлистане

Шаумянского района (Азербайджан), на границе с НКАО. По данным на 1989 г. среди населения НКАО было приблизительно 75% этнических армян и 25% этнических азербайджанцев. В 1988 г. в Нагорном Карабахе начался вооружен-

ный конфликт, совпавший по времени с требованием Армении о присоединении к ней НКАО. В 1992 г. конфликт перерос в полномасштабную войну, которая привела к появлению с обеих сторон тысяч внутриперемещенных лиц и беженцев. В мае 1994 г. стороны подписали соглашение о перемирии, однако окончательного политического решения не достигли. Г-н Саргсян утверждал, что, когда в 1992 г. конфликт усугубился, Гюлистан подвергся бомбардировке со стороны Азербайджана, и все население села, включая заявителя и его семью, бежало, спасаясь от гибели.

Жалобы

Заявитель утверждал, что его вынужденное бегство из Гюлистана и последующий продолжающийся отказ азербайджанского правительства предоставить ему доступ к его имуществу и жилищу является нарушением ст. 1(1) (защита собственности) и ст. 8 (уважение семейной жизни) Европейской Конвенции по правам человека (ЕКПЧ). Он также жаловался по ст. 13 на отсутствие эффективных средств защиты у армян, вынужденных покинуть свои дома в Азербайджане, в силу неурегулированного статуса нагорно-карабахского конфликта. Кроме того, опять-таки ссылаясь на ст. 8, он жаловался на сообщения о вандализме на армянских кладбищах в Азербайджане и

на расстройство, причиненное ему этой информацией. Наконец, он жаловался на нарушение ст. 14 (запрет дискриминации) в связи с тем, что насилие было направлено только против этнических армян, проживавших в Азербайджане, а также в связи с тем, что азербайджанское правительство не расследовало нападения на армян и не предоставило им возмещения за незаконную оккупацию их собственности.

Палата передала юрисдикцию Большой Палате. Правительство Армении вступило в дело в качестве третьей стороны.

Приемлемость

Территориальная юрисдикция и ответственность Азербайджана

Государство-ответчик утверждало, что, несмотря на ратификацию им в 2002 г. ЕКПЧ, которая вступила в силу на всей его территории, оно сделало заявление о том, что не в состоянии гарантировать применение ЕКПЧ на территориях, оккупированных Республикой Армения. Суд постановил, что это заявление не имеет силы, поскольку правительство было не в праве ограничить территориальное применение ЕКПЧ лишь некоторыми частями международно признанной территории Азербайджана. Кроме того, Суд постановил, что это заявление не может считаться оговоркой, поскольку оно не соответствует требова-

ниям ЕКПЧ, будучи заявлением «общего характера», не относящимся к конкретному положению Конвенции и не имеющим определенных рамок. Поэтому Суд отклонил возражение правительства.

Также в деле поднимается юрисдикционный вопрос относительно наличия у Азербайджана эффективного контроля над указанной территорией. Правительство оспаривало это, указывая на то, что район Гюлистана был сильно заминирован, и поэтому оно не имело доступа к селу или контроля над ним, и тем самым в данном деле его ответственность по ст. 1 не была задействована. Заявитель и правительство Армении утверждали, что Гюлистан находился под эффективным контролем Азербайджана и, в любом случае, ответственность Азербайджана была задействована в результате наличия у него позитивных обязательств в соответствии с Конвенцией. Суд счел, что не располагает достаточной информацией для разрешения этого вопроса, и присоединил его к рассмотрению жалобы по существу.

Временная юрисдикция

Суд отметил, что вынужденное перемещение заявителя было в 1992 г. одномоментным актом, имевшим место до ратификации Азербайджаном ЕКПЧ (апрель 2002 г.) и поэтому не подпадает под компетенцию Суда по временному принципу. Однако Суд постановил, что по-

следующее отсутствие у него доступа к его жилищу представляет собой длящуюся ситуацию, которую он компетентен исследовать начиная с 2002 г.

Статус жертвы в отношении разрушения могил

Заявитель не мог считаться «жертвой» применительно к общей ситуации разрушения армянских могил в Азербайджане, поскольку для этого необходимо, чтобы ситуация затронула его непосредственно в результате действия или бездействия властей, и поэтому жалобу заявителей в этой части Суд отклонил.

Исчерпание внутригосударственных средств защиты

Заявитель утверждал о существовании общей административной практики правительства, показывающей нежелание защищать оставленное имущество этнических армян или предоставлять им компенсацию, и Суд присоединил рассмотрение этого вопроса к исследованию жалобы по существу.

Временные рамки для подачи жалобы

Суд повторил свои принципы, связанные с применением «шестимесячного правила» к длящимся ситуациям. Он отметил, что внес корректировки в свою предшествующую практику в делах об исчезновении, возложив на заявителей обязанность тщания и инициативы. Несмотря на различия в

делах о длительном нерасследовании исчезновений и продолжающемся отказе в доступе к имуществу, Суд счел, что общие соображения правовой определенности применимы к обеим ситуациям. Он учел конкретные особенности дел, связанных с длящимися нарушениями в сложной постконфликтной ситуации, где решения зависят от политических переговоров и связь между ходом таких переговоров и положением заявителя менее сильна. Поэтому он пришел к выводу, что как только заявителю стало очевидно отсутствие реальной надежды получить доступ к имуществу, необъясненная или чрезмерная задержка может привести к отклонению жалобы за подачу с нарушением сроков. Однако конкретные временные рамки, которые могли бы применяться к таким ситуациям, не установлены. Самое раннее, когда могла бы быть подана эта жалоба, — 2002 г., когда Азербайджан ратифицировал ЕКПЧ. Однако при вступлении в Совет Европы и Армения, и Азербайджан дали обязательство попытаться достичь мирного урегулирования нагорно-карабахского конфликта, за чем последовал период переговоров. Поэтому заявитель мог какое-то время питать обоснованные надежды на то, что решение будет достигнуто. Подав жалобу 2006 г., он не выказал необоснованного промедления.

Чирагов против Армении (Chiragov v Armenia) (№ 13216/05) – еще одно решение о приемлемости, зеркально отражающее вышеописанное дело. Решение по нему было вынесено в тот же день и связано с тем же конфликтом. В этом деле заявителями являются азербайджанские курды, проживавшие в Лачинском районе Азербайджана, который включает в себя коридор между Нагорным Карабахом и Армянской ССР. Большинство населения Лачина составляют курды и азербайджанцы. В результате конфликта заявители в мае 1992 г. были вынуждены бежать и с тех пор не могли вернуться.

Заявители жалуются на те же нарушения, что и в деле Саргсян, — ст. 1(1), 8, 13 и 14, — однако, в противоположность ему, выступают как этнические азербайджанцы против правительства Армении. Правительство Азербайджана участвует в деле в качестве третьей стороны. Правительство Армении оспаривает те же вопросы, что и правительство Азербайджана в вышеописанном деле, на аналогичных основаниях, оспаривая наличие территориальной юрисдикции, статус жертв заявителей, исчерпание национальных средств защиты и нарушение временных требований Суда. Суд, применив к делу аналогичный подход, признал его приемлемым и присоединил эти вопросы к рассмотрению по существу.

Контактная информация EHRAC

Офис EHRAC в Лондоне

European Human Rights Advocacy Centre
London Metropolitan University
LH 222, Ladbroke House
62-66 Highbury Grove, London, N5 2AD
United Kingdom
www.londonmet.ac.uk/ehrac

Проф. Филип Лич, директор
Тел.: ++44 (0)20 7133 5111
Email: p.leach@londonmet.ac.uk

Тина Девадасан, менеджер проекта
Тел.: ++44 (0)20 7133 5087
Email: ehrc@londonmet.ac.uk

Джейн Гордон, старший юрист
Тел.: ++44 (0)20 7133 5258
Email: jane.gordon@londonmet.ac.uk

Оксана Попова, референт по
судопроизводству и проектной
деятельности
Тел.: ++44 (0)20 7133 5090
Email: o.popova@londonmet.ac.uk

Бет Саффер, сотрудник по вопросам
развития и связей с общественностью
Тел.: ++44 (0)20 7133 5156
Email: b.saffer@londonmet.ac.uk

Проф. Билл Бауринг, Председатель
Международного наблюдательного
комитета
Тел.: ++44 (0)20 7631 6022
Email: b.bowring@bbk.ac.uk

«EHRAC бюллетень»

Учредитель: Межрегиональная
общественная организация
Правозащитный центр «Мемориал»
Гл. ред.: Касаткина Т.И.
Выпуск 1(10) от 1 июня 2012 г.
Тираж: 2 350 экз.
Распространяется бесплатно
Адрес редакции и учредителя: 127006, г.
Москва, ул. Каретный ряд, 5
Отпечатано в типографии ООО «Алькор-4»:
11024, Москва, Шоссе Энтузиастов, 9а
Номер заказа:
EHRAC бюллетень зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны
культурного наследия. Свидетельство ПИ №
ФС 77-30927 от 18 января 2008 г.

Информация о EHRAC

Европейский центр защиты прав человека (EHRAC) был создан в 2003 г. при Лондонском университете Метрополитан и входит в состав факультета общественных и гуманитарных наук (FSSH). Основная миссия Центра состоит в оказании помощи юристам, частным лицам и неправительственным организациям (НПО) в обращении в Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ). С этой целью мы занимаемся передачей знаний и опыта, созданием партнерств и работой по повышению потенциала местных правозащитных сообществ, а также информируем общественность о нарушениях прав человека. Изначально наша работа была сосредоточена в России, однако с тех пор географический ареал деятельности EHRAC расширился: теперь мы работаем в странах Закавказья и время от времени оказываем содействие в отдельных делах в отношении других стран бывшего СССР.

В настоящее время в производстве EHRAC находится около 290 дел с участием более чем тысячи основных жертв и их ближайших родственников. Эти дела связаны, в частности, с такими проблемами, как внесудебные казни, дискриминация по этническому признаку, исчезновения, загрязнение окружающей среды и уголовная юстиция. Более подробную информацию см. на сайте: www.londonmet.ac.uk/ehrac.

Партнерства EHRAC

С 2003 г. EHRAC работает в партнерстве с российской НПО Правозащитный центр «Мемориал». Мы продолжаем тесно сотрудничать, совместно ведя производство по многочисленным и разнообразным судебным делам, учебную деятельность и осуществляя инициативы по повышению квалификации и организационного потенциала. Также мы ведем совместную информационную работу в области механизмов Европейского Суда. Наряду с развитием партнерских отношений с другими организациями в России, в 2006 г. мы начали работать в Грузии, в 2010 г. в Азербайджане, в 2012 г. в Армении, а также сотрудничаем со множеством других НПО, юристов и частных лиц в различных регионах бывшего СССР. Преимущественно мы оказываем менторскую поддержку юристам, работающим в совместных проектах, помогая им в развитии профессиональных навыков и готовя их к самостоятельной работе над судебными делами. В Великобритании мы работаем в сотрудничестве с такими организациями, как Комитет по правам человека Коллегии адвокатов Англии и Уэльса и Международный комитет по правам человека Общества юристов Англии и Уэльса.

Стажировки

В лондонском и московском офисах EHRAC имеются возможности для прохождения стажировки юридического и общего характера. В зависимости от квалификации и умений стажера работа может включать в себя составление резюме судебных дел, помощь в работе по делам, составление и подготовку учебных материалов, проведение исследований, фандрайзинг, написание информационных материалов, работу с прессой и основные административные обязанности. К сожалению, EHRAC не в состоянии предоставлять оплачиваемые стажировки, однако дает стажерам возможность получить ценный опыт работы в неправительственной организации в сфере прав человека. За дополнительной информацией или с заявлениями о приеме обращайтесь к нам по электронной почте.

Авторы и составители бюллетеня

EHRAC выражает благодарность авторам материалов, опубликованных в этом номере: Шанте Бхавнани, Джессике Гаврон, Софио Джапаридзе, Ханне Каучман, Мэттью Каффу, Нати Кацитадзе, Сирануш Саакян, д-ру Кларе Сандовал, Джеку Торбету, Мариам Убери, Шоаиб Хан, Крейгу Хэтчеру и Ольге Цейтлиной. Этот номер Бюллетеня подготовили Тина Девадасан, Джейн Гордон, проф. Филип Лич, Бет Саффер и Джессика Гаврон. Дизайн и верстка – Torske & Sterling Legal Marketing. Перевод материалов на русский язык – Татьяна Томаева.

Бюллетень EHRAC издается два раза в год. Мы с благодарностью принимаем статьи, информацию или идеи. Статьи для публикации необходимо направлять нам по электронной почте. Материалы, опубликованные в Бюллетене, можно воспроизводить без предварительного разрешения, однако мы просим при использовании давать ссылку на EHRAC и направлять нам экземпляр издания.

Россия

ПЦ «Мемориал» (Москва)

127006, г. Москва
Каретный Ряд ул., 5
Тел.: +7 (495) 225 3118
Елена Бондал, координатор проекта
E-mail: memhrc@memo.ru
www.ehracmos.memo.ru

«Планета надежд» (Озерск)

Надежда Кутепова, руководитель
E-mail: planeta_zato@mail.ru
www.closedcity.ru

НПО «Низам» (Грозный)

Асланбек Исаев, исполнительный директор

E-mail: ngo_nizam@yahoo.com
www.ngo-nizam.com

Грузия

Ассоциация молодых юристов

Грузии (Тбилиси)
Натия Кацитадзе, юрист и
координатор проекта
E-mail: katsitadze@gyula.ge
www.gyula.ge

«Статья 42 Конституции» (Тбилиси)

Нази Джанезашвили,
исполнительный директор
E-mail: office@article42.ge
www.article42.ge

Азербайджан

Общество правового образования

(Баку)
Интигам Алиев, президент
E-mail: legal@azeurotel.com
www.monitoring.az

Институт прав медиа (Баку)

Рашид Гаджили, директор
E-mail: mediarightsaz@hotmail.com
www.mediarights.az

Общественный союз демократии и прав человека (Сумгаит)

Асабали Мустафаев, президент
E-mail: office@humanrights.org.az
www.humanrights.org.az